



КЛАССИ-  
ЧЕСКАЯ  
И  
СОВРЕ-  
МЕННАЯ  
ПОЭЗИЯ



Федор

ТЮТЧЕВ

Лирика

*Лирика*

# Федор Иванович Тютчев

## Лирика

*Текст предоставлен издательством «АСТ»*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=172416](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172416)*

*Федор Тютчев. Лирика: АСТ, АСТ Москва, Транзиткнига; Москва; 2005*

*ISBN 5-17-031302-0, 5-9713-0354-6, 5-9578-1875-5*

### Аннотация

В эту книгу вошли жемчужины поэзии Тютчева – философской и романтической, пейзажной и панславистской, любовной и психологической, – отражающей все этапы его долгого и многопланового творчества.

# Содержание

I	6
Проблеск	6
К Н	8
Весенняя гроза	9
Могила Наполеона	10
cache-cache[1]	11
Летний вечер	13
Видение	14
Бессонница	15
Утро в горах	17
Последний катаклизм	18
Снежные горы	19
К N. N	20
Вечер	23
Полдень	24
Лебедь	25
Конь морской	29
Успокоение	31
Двум сестрам	32
Безумие	33
Странник	34
Цицерон	35
Весенние воды	36

Silentium! [2]	37
Осенний вечер	41
Листья	42
Альпы	44
Mal'aria [3]	45
Весеннее успокоение	46
Problème	48
Сон на море	49
Арфа Скальда	50
Фонтан	70
29-ое января 1837	77
1-ое декабря 1837	79
Итальянская villa	80
Весна	85
День и ночь	87
Колумб	92
Море и утес	93
Русской женщине	102
Наполеон	103
Поэзия	106
Рим ночью	107
Венеция	108
На Неве	112
Два голоса	116
Первый лист	121
Наш век	123

Волна и дума	124
Предопределение	128
Конец ознакомительного фрагмента.	130

# Федор Тютчев

## Лирика

### I

#### Проблеск

Слыхал ли в сумраке глубоком  
Воздушной арфы легкий звон,  
Когда полночь, ненароком,  
Дремавших струн встревожит сон?..

То потрясающие звуки,  
То замирающие вдруг...  
Как бы последний ропот муки,  
В них отозвавшись, потух!

Дыханье каждое Зефира  
Взрывает скорбь в ее струнах...  
Ты скажешь: ангельская лира  
Грустит, в пыли, по небесах!

О, как тогда с земного круга  
Душой к бессмертному летим!

Минувшее, как призрак друга,  
Прижать к груди своей хотим.

Как верим верою живою,  
Как сердцу радостно, светло!  
Как бы эфирною струею  
По жилам небо протекло!

Но ах, не нам его судили;  
Мы в небе скоро устаем, —  
И не дано ничтожной пыли  
Дышать божественным огнем.

Едва усилием минутным  
Прервем на час волшебный сон,  
И взором трепетным и смутным,  
Привстав, окинем небосклон, —

И отягченную главою,  
Одним лучом ослеплены,  
Вновь упадаем не к покою,  
Но в утомительные сны.

*<Не позднее осени 1825>*

## К Н

Твой милый взор, невинной страсти полный,  
Златой рассвет небесных чувств твоих  
Не мог – увы! – умиловать их —  
Он служит им укорю безмолвной.

Сии сердца, в которых правды нет,  
Они, о друг, бегут, как приговора,  
Твоей любви младенческого взора,  
Он страшен им, как память детских лет.  
Но для меня сей взор благоденье;  
Как жизни ключ, в душевной глубине  
Твой взор живет и будет жить во мне:  
Он нужен ей, как небо и дыханье.

Таков горе духов блаженных свет,  
Лишь в небесах сияет он, небесный;  
В ночи греха, на дне ужасной бездны,  
Сей чистый огонь, как пламень адский, жжет.

*23 ноября 1824*



# Весенняя гроза

Люблю грозу в начале мая,  
Когда весенний, первый гром,  
Как бы резвяся и играя,  
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,  
Вот дождик брызнул, пыль летит,  
Повисли перлы дождевые,  
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,  
В лесу не молкнет птичий гам,  
И гам лесной, и шум нагорный —  
Все вторит весело громам.  
Ты скажешь: ветреная Геба,  
Кормя Зевесова орла,  
Громокипящий кубок с неба,  
Смеясь, на землю пролила.

*<Не позднее весны 1828; начало 50-х гг.>*

# Могила Наполеона

Душой весны природа ожила,  
И блещет все в торжественном покое:  
Лазурь небес, и море голубое,  
И дивная гробница, и скала!  
Древа кругом покрылись новым цветом,  
И тени их, средь общей тишины,  
Чуть зыблются дыханием волны  
На мраморе, весною разогретом...

Давно ль умолк Перун его побед,  
И гул от них стоит доселе в мире.

.

.

И ум людей великой тенью полн,  
А тень его, одна, на бреге диком,  
Чужда всему, внимает шуму волн  
И тешится морских пернатых криком.

*<Не позднее 1828; начало 50-х гг.>*

# cache-cache<sup>1</sup>

Вот арфа ее в обычайном углу,  
Гвоздики и розы стоят у окна,  
Полуденный луч задремал на полу:  
Условное время! Но где же она?

О, кто мне поможет шалунию сыскать,  
Где, где приютилась сильфида моя?  
Волшебную близость, как бы благодать,  
Разлитую в воздухе, чувствую я.

Гвоздики недаром лукаво глядят,  
Недаром, о розы, на ваших листах  
Жарчее румянец, свежей аромат:  
Я понял, кто скрылся, зарылся в цветах!

Не арфы ль твоей мне послышался звон?  
В струнах ли мечтаешь укрыться златых?  
Металл содрогнулся, тобой оживлен,  
И сладостный трепет еще не затих.

Как пляшут пылинки в полдневных лучах,  
Как искры живые в родимом огне!  
Видал я сей пламень в знакомых очах,

---

<sup>1</sup> Игра в прятки (*фр.*).

Его упоенье известно и мне.

Влетел мотылек, и с цветка на другой,

Притворно-беспечный, он начал порхать.

О, полно кружиться, мой гость дорогой!

Могу ли, воздушный, тебя не узнать?

*<Не позднее 1828>*

# Летний вечер

Уж солнца раскаленный шар  
С главы своей земля скатила,  
И мирный вечера пожар  
Волна морская поглотила.

Уж звезды светлые взошли  
И тяготеющий над нами  
Небесный свод приподняли  
Своими влажными главами.

Река воздушная полней  
Течет меж небом и землею,  
Грудь дышит легче и вольней,  
Освобожденная от зною.

И сладкий трепет, как струя,  
По жилам пробежал природы,  
Как бы горячих ног ея  
Коснулись ключевые воды.

*<Не позднее 1828>*

# Видение

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,  
И в оный час явлений и чудес  
Живая колесница мирозданья  
Открыто катится в святилище небес.

Тогда густеет ночь, как хаос на водах,  
Беспамятство, как Атлас, давит сушу;  
Лишь Музы девственную душу  
В пророческих тревожат боги снах!

*<Не позднее первой половины 1829>*

# Бессонница

Часов однообразный бой,  
Томительная ночи повесть!  
Язык для всех равно чужой  
И внятный каждому, как совесть!

Кто без тоски внимал из нас,  
Среди всемирного молчанья,  
Глухие времени стенанья,  
Пророчески-прощальный глас?

Нам мнится: мир осиротелый  
Неотразимый Рок настиг —  
И мы, в борьбе, природой целой  
Покинуты на нас самих;

И наша жизнь стоит пред нами,  
Как призрак на краю земли,  
И с нашим веком и друзьями  
Бледнеет в сумрачной дали;

И новое, младое племя  
Меж тем на солнце расцвело,  
А нас, друзья, и наше время  
Давно забвеньем занесло!

Лишь изредка, обряд печальный  
Свершая в полуночный час,  
Металла голос погребальный  
Порой оплакивает нас!

*<Не позднее 1829>*



# Утро в горах

Лазурь небесная смеется,  
Ночной омытая грозой,  
И между гор росисто вьется  
Долина светлой полосой.  
Лишь высших гор до половины  
Туманы покрывают скат,  
Как бы воздушные руины  
Волшебством созданных палат.

*<Не позднее 1829>*

# Последний катаклизм

Когда пробьет последний час природы,  
Состав частей разрушится земных:  
Все зримое опять покроют воды,  
И Божий лик изобразится в них!

*<Не позднее 1829>*

# Снежные горы

Уже полдневная пора  
Палит отвесными лучами, —  
И задымилась гора  
С своими черными лесами.

Внизу, как зеркало стальное,  
Синеют озера струи,  
И с камней, блещущих на зное,  
В родную глубь спешат ручьи.  
И между тем как полусонный  
Наш дольний мир, лишенный сил,  
Проникнут негой благовонной,  
Во мгле полуденной почил, —

Горе, как божества родные,  
Над издыхающей землей  
Играют выси ледяные  
С лазурью неба огневой.

*<Не позднее 1829>*

# К N. N

Ты любишь, ты притворствовать умеешь, —  
Когда в толпе, украдкой от людей,  
Моя нога касается твоей —  
Ты мне ответ даешь – и не краснеешь!

Все тот же вид рассеянный, бездушный,  
Движенье персей, взор, улыбка та ж...  
Меж тем твой муж, сей ненавистный страж,  
Любуется твоей красой послушной.

Благодаря и людям и судьбе,  
Ты тайным радостям узнала цену,  
Узнала свет: он ставит нам в измену  
Все радости... Измена льстит тебе.  
Стыдливости румянец невозвратный,  
Он улетел с молодых твоих ланит —  
Так с юных роз Авроры луч бежит  
С их чистою душою ароматной.

Но так и быть! В палящий летний зной  
Лестней для чувств, приманчивей для взгляда  
Смотреть, в тени, как в кисти винограда  
Сверкает кровь сквозь зелени густой.



Еще шумел веселый день,  
Толпами улица блистала,  
И облаков вечерних тень  
По светлым кровлям пролетала.

И доносились порой  
Все звуки жизни благодатной —  
И все в один сливалось строй,  
Стозвучный, шумный и невнятный.

Весенней негой утомлен,  
Я впал в невольное забвенье;  
Не знаю, долог ли был сон,  
Но странно было пробужденье...  
Затих повсюду шум и гам  
И воцарилось молчанье —  
Ходили тени по стенам  
И полусонное мерцанье...

Украдкою в мое окно  
Глядело бледное светило,  
И мне казалось, что оно  
Мою дремоту сторожило.

И мне казалось, что меня  
Какой-то миротворный гений  
Из пышно-золотого дня  
Увлёк, незримый, в царство теней.

*<Не позднее 1829; 1851>*

# Вечер

Как тихо веет над долиной  
Далекий колокольный звон,  
Как шум от стаи журавлиной, —  
И в звучных листьях замер он.

Как море вешнее в разливе,  
Светлея, не колыхнет день, —  
И торопливей, молчаливей  
Ложится по долине тень.

*<Конец 20-х гг.>*

# Полдень

Лениво дышит полдень мглистый,  
Лениво катится река,  
И в тверди пламенной и чистой  
Лениво тают облака.

И всю природу, как туман,  
Дремота жаркая объемлет,  
И сам теперь великий Пан  
В пещере нимф покойно дремлет.

*<Конец 20-х гг.>*



# Лебедь

Пускай орел за облаками  
Встречает молнии полет  
И неподвижными очами  
В себя впивает солнца свет.

Но нет завиднее удела,  
О лебедь чистый, твоего —  
И чистой, как ты сам, одело  
Тебя стихией божество.

Она, между двойною бездной,  
Лелеет твой всезрящий сон —  
И полной славой тверди звездной  
Ты отовсюду окружен.

*<Конец 20-х гг.>*

\* \* \*

Ты зрел его в кругу большого света —  
То своенравно-весел, то угрюм,  
Рассеян, дик иль полон тайных дум,  
Таков поэт – и ты презрел поэта!

На месяц взглянь: весь день, как облак  
тощий,  
Он в небесах едва не изнемог, —  
Настала ночь – и, светозарный Бог,  
Сияет он над усыпленной рощей!

*<Конец 1829 – начало 1830>*

\* \* \*

В толпе людей, в нескромном шуме дня  
Порой мой взор, движенья, чувства, речи  
Твоей не смеют радоваться встрече —  
Душа моя! о, не вини меня!..

Смотри, как днем туманисто-бело  
Чуть брезжит в небе месяц светозарный,  
Наступит ночь – и в чистое стекло  
Вольет елей душистый и янтарный!

*<Конец 1829 – начало 1830>*

\* \* \*

Душа хотела б быть звездой,

Но не тогда, как с неба полуночи  
Сии светила, как живые очи,  
Глядят на сонный мир земной, —

Но днем, когда, сокрытые как дымом  
Палящих солнечных лучей,  
Они, как божества, горят светлей  
В эфире чистом и незримом.

*<Не позднее 1830>*

\* \* \*

Как океан объемлет шар земной,  
Земная жизнь кругом объята снами;  
Настанет ночь — и звучными волнами  
Стихия бьет о берег свой.

То глас ее: он нудит нас и просит...  
Уж в пристани волшебный ожил челн;  
Прилив растет и быстро нас уносит  
В неизмеримость темных волн.  
Небесный свод, горящий славой звездной,  
Таинственно глядит из глубины, —  
И мы плывем, пылающею бездной  
Со всех сторон окружены.

*<Не позднее начала 1830>*

# Конь морской

О рьяный конь, о конь морской,  
С бледно-зеленой гривой,  
То смиренный, ласково-ручной,  
То бешено-игривый!  
Ты буйным вихрем вскормлен был  
В широком Божьем поле;  
Тебя он прядать научил,  
Играть, скакать по воле!

Люблю тебя, когда стремглав,  
В своей надменной силе,  
Густую гриву растрепав  
И весь в пару и мыле,  
К берегам направив бурный бег,  
С веселым ржаньем мчишься,  
Копыта кинешь в звонкий брег  
И – в брызги разлетишься!..

<1830>

\* \* \*

Здесь, где так вяло свод небесный

На землю тощую глядит, —  
Здесь, погрузившись в сон железный,  
Усталая природа спит...

Лишь кой-где бледные березы,  
Кустарник мелкий, мох седой,  
Как лихорадочные грезы,  
Смущают мертвенный покой.

<1830>

# Успокоение

Гроза прошла – еще курясь, лежал  
Высокий дуб, перунами сраженный,  
И сизый дым с ветвей его бежал  
По зелени, грозой освеженной.  
А уж давно, звучнее и полней,  
Пернатых песнь по роще раздалась,  
И радуга концом дуги своей  
В зеленые вершины уперлася.

<1830>

# Двум сестрам

Обеих вас я видел вместе —  
И всю тебя узнал я в ней...  
Та ж взоров тихость, нежность гласа,  
Та ж прелесть утреннего часа,  
Что веяла с главы твоей!..

И все, как в зеркале волшебном,  
Все обозначилоя вновь:  
Минувших дней печаль и радость,  
Твоя утраченная младость,  
Моя погибшая любовь!

<1830>



# Безумие

Там, где с землею обгорелой  
Слился, как дым, небесный свод, —  
Там в беззаботности веселой  
Безумье жалкое живет.

Под раскаленными лучами,  
Зарывшись в пламенных песках,  
Оно стеклянными очами  
Чего-то ищет в облаках.

То вспрянет вдруг и, чутким ухом  
Припав к растреснутой земле,  
Чему-то внемлет жадным слухом  
С довольством тайным на челе.  
И мнит, что слышит струй кипенье,  
Что слышит ток подземных вод,  
И колыбельное их пенье,  
И шумный из земли исход!..

# Странник

Угоден Зевсу бедный странник,  
Над ним святой его покров!..  
Домашних очагов изгнанник,  
Он гостем стал благих богов!..

Сей дивный мир, их рук создание,  
С разнообразием своим,  
Лежит, развитый перед ним  
В утеху, пользу, назиданье...

Чрез веси, грады и поля,  
Светлея, стелется дорога, —  
Ему отверста вся земля,  
Он видит все и славит Бога!..

<1830>

# Цицерон

Оратор римский говорил  
Средь бурь гражданских и тревоги:  
«Я поздно встал – и на дороге  
Застигнут ночью Рима был!»  
Так!.. но, прощаясь с римской славой,  
С Капитолийской высоты  
Во всем величье видел ты  
Закат звезды ее кровавый!..

Счастлив, кто посетил сей мир  
В его минуты роковые!  
Его призывали всеблагие  
Как собеседника на пир.  
Он их высоких зрелищ зритель,  
Он в их совет допущен был —  
И заживо, как небожитель,  
Из чаши их бессмертье пил!

*<Не позднее 1830>*

# Весенние воды

Еще в полях белеет снег,  
А воды уж весной шумят —  
Бегут и будят сонный брег,  
Бегут и блещут и гласят...

Они гласят во все концы:  
«Весна идет, весна идет!  
Мы молодой весны гонцы,  
Она нас выслала вперед!»

Весна идет, весна идет!  
И тихих, теплых майских дней  
Румяный, светлый хоровод  
Толпится весело за ней.

*<Не позднее 1830>*

# Silentium!<sup>2</sup>

Молчи, скрывайся и таи  
И чувства и мечты свои —  
Пуškai в душевной глубине  
Встают и заходят оне  
Безмолвно, как звезды в ночи, —  
Любуйся ими – и молчи.

Как сердцу высказать себя?  
Другому как понять тебя?  
Поймет ли он, чем ты живешь?  
Мысль изреченная есть ложь.  
Взрывая, возмутишь ключи, —  
Питайся ими – и молчи.

Лишь жить в себе самом умей —  
Есть целый мир в душе твоей  
Таинственно-волшебных дум;  
Их оглушит наружный шум,  
Дневные разгонят лучи, —  
Внимай их пенью – и молчи!..

*<Не позднее 1830>*

---

<sup>2</sup> Молчание! (лат.)

\* \* \*

Как над горячею золой  
Дымится свиток и сгорает  
И огонь, сокрытый и глухой,  
Слова и строки пожирает,

Так грустно тлится жизнь моя  
И с каждым днем уходит дымом;  
Так постепенно гасну я  
В однообразье нестерпимом!..

О небо, если бы хоть раз  
Сей пламень развился по воле,  
И, не томясь, не мучась доле,  
Я просиял бы – и погас!

*<Не позднее 1830>*

\* \* \*

Через ливонские я проезжал поля,  
Вокруг меня все было так уныло...  
Бесцветный грунт небес, песчаная земля —  
Все на душу раздумье наводило.

Я вспомнил о былом печальной сей земли —  
Кровавую и мрачную ту пору,  
Когда сыны ее, простертые в пыли,  
Лобзали рыцарскую шпору.

И, глядя на тебя, пустынная река,  
И на тебя, прибрежная дуброва,  
«Вы, — мыслил я, — пришли издалека,  
Вы, сверстники сего былого!»

Так! вам одним лишь удалось  
Дойти до нас с берегов другого света.  
О, если б про него хоть на один вопрос  
Мог допроситься я ответа!..

Но твой, природа, мир о днях былых молчит  
С улыбкою двусмысленной и тайной, —  
Так отрок, чар ночных свидетель быв случайный,  
Про них и днем молчание хранит.

*<Начало октября> 1830*

\* \* \*

Песок сыпучий по колени...  
Мы едем — поздно — меркнет день,

И сосен, по дороге, тени  
Уже в одну слилися тень.  
Черней и чаще бор глубокий —  
Какие грустные места!  
Ночь хмурая, как зверь стоокий,  
Глядит из каждого куста!

*<Октябрь> 1830*



# Осенний вечер

Есть в светлости осенних вечеров  
Умильная, таинственная прелесть:  
Зловещий блеск и пестрота деревьев,  
Багряных листьев томный, легкий шелест,  
Туманная и тихая лазурь  
Над грустно-сиротеющей землею,  
И, как предчувствие сходящих бурь,  
Порывистый, холодный ветер порою,  
Ущерб, изнеможение – и на всем  
Та кроткая улыбка увяданья,  
Что в существе разумном мы зовем  
Божественной стыдливостью страданья.

1830

# Листья

Пусть сосны и ели  
Всю зиму торчат,  
В снега и метели  
Закутавшись, спят.  
Их тощая зелень,  
Как иглы ежа,  
Хоть ввек не желтеет,  
Но ввек не свежа.

Мы ж, легкое племя,  
Цветем и блестим  
И краткое время  
На сучьях гостим.  
Все красное лето  
Мы были в красе,  
Играли с лучами,  
Купались в росе!..

Но птички отпели,  
Цветы отцвели,  
Лучи побледнели,  
Зефиры ушли.  
Так что же нам даром  
Висеть и желтеть?  
Не лучше ль за ними

И нам улететь!

О буйные ветры,  
Скорее, скорей!  
Скорей нас сорвите  
С докучных ветвей!  
Сорвите, умчите,  
Мы ждать не хотим,  
Летите, летите!  
Мы с вами летим!..

1830

\* \* \*

Сей день, я помню, для меня  
Был утром жизненного дня:  
Стояла молча предо мною,  
Вздыхалась грудь ее волною,  
Алели щеки, как заря,  
Все жарче рдея и горя!  
И вдруг, как солнце молодое,  
Любви признание золотое  
Исторглось из груди ея...  
И новый мир увидел я!..

1830

# Альпы

Сквозь лазурный сумрак ночи  
Альпы снежные глядят;  
Помертвелые их очи  
Льдистым ужасом разят.  
Властью некой обаянны,  
До восшествия Зари,  
Дремлют, грозны и туманны,  
Словно падшие цари!..

Но Восток лишь заалееет,  
Чарам гибельным конец —  
Первый в небе просветлеет  
Брата старшего венец.  
И с главы большого брата  
На меньших бежит струя,  
И блестит в венцах из золота  
Вся воскресшая семья!..

*1830*

# Mal'aria<sup>3</sup>

Люблю сей Божий гнев! Люблю сие, незримо  
Во всем разлитое, таинственное Зло —  
В цветах, в источнике прозрачном, как стекло,  
И в радужных лучах, и в самом небе Рима.  
Все та ж высокая, безоблачная твердь,  
Все так же грудь твоя легко и сладко дышит,  
Все тот же теплый ветер верхи деревьев колышет,  
Все тот же запах роз... и это все есть Смерть!..  
Как ведать, может быть, и есть в природе звуки,  
Благоухания, цветы и голоса,  
Предвестники для нас последнего часа  
И усладители последней нашей муки.  
И ими-то Судеб посланник роковой,  
Когда сынов Земли из жизни вызывает,  
Как тканью легкою свой образ прикрывает...  
Да утаит от них приход ужасный свой!

1830

---

<sup>3</sup> Зараженный воздух (*ит.*).

# Весеннее успокоение

О, не кладите меня  
В землю сырую —  
Скройте, заройте меня  
В траву густую!

Пускай дыханье ветерка  
Шевелит травую,  
Свирель поет издалека,  
Светло и тихо облака  
Плывут надо мною!..

*<Не позднее начала 1832>*

\* \* \*

На древе человечества высоком  
Ты лучшим был его листом,  
Воспитанный его чистейшим соком,  
Развит чистейшим солнечным лучом!  
С его великою душою  
Созвучней всех, на нем ты трепетал!  
Пророчески беседовал с грозой  
Иль весело с зефирами играл!

Не поздний вихрь, не бурный ливень  
Тебя сорвал с родимого сучка:  
Был многих краше, многих долголетней  
И сам собою пал – как из венка!

<1832>

# Problème

С горы скатившись, камень лег в долине.  
Как он упал? никто не знает ныне —  
Сорвался ль он с вершины *сам* собой,  
Иль был *низринут* волею *чужой*?  
Столетье за столетьем пронеслося:  
Никто еще не разрешил вопроса.

*15 января 1833; 2 апреля 1857*



# Сон на море

И море, и буря качали наш челн;  
Я, сонный, был предан всей прихоти волн.  
Две беспредельности были во мне,  
И мной своевольно играли оне.  
Вкруг меня, как кимвалы, звучали скалы,  
Окликались ветры и пели валы.  
Я в хаосе звуков лежал оглушен,  
Но над хаосом звуков носился мой сон.  
Болезненно-яркий, волшебном-немой,  
Он веял легко над гремящею тьмой.  
В лучах огневицы развил он свой мир —  
Земля зеленела, светился эфир,  
Сады-лабиринфы, чертоги, столпы,  
И сонмы кипели безмолвной толпы.  
Я много узнал мне неведомых лиц,  
Зрел тварей волшебных, таинственных птиц,  
По высям творенья, как Бог, я шагал,  
И мир подо мною недвижный сиял.  
Но все грезы насквозь, как волшебника вой,  
Мне слышался грохот пучины морской,  
И в тихую область видений и снов  
Врывалась пена ревущих валов.

# Арфа Скальда

О арфа скальда! Долго ты спала  
В тени, в пыли забытого угла;  
Но лишь луны, очаровавшей мглу,  
Лазурный свет блеснул в твоём углу,  
Вдруг чудный звон затрепетал в струне,  
Как бред души, встревоженной во сне.

Какой он жизнью на тебядохнул?  
Иль старину тебе он вспомянул —  
Как по ночам здесь сладострастных дев  
Давно минувший вторился напев,  
Иль в сих цветущих и поднесь садах  
Их легких ног скользил незримый шаг?

*21 апреля 1834*

\* \* \*

Я лютеран люблю богослуженье,  
Обряд их строгий, важный и простой —  
Сих голых стен, сей храмины пустой  
Понятно мне высокое ученье.

Не видите ль? Собравшись в дорогу,  
В последний раз вам вера предстоит:  
Еще она не перешла порогу,  
Но дом ее уж пуст и гол стоит, —

Еще она не перешла порогу,  
Еще за ней не затворилась дверь...  
Но час настал, пробил... Молитесь Богу,  
В последний раз вы молитесь теперь.

*16 сентября 1834*

\* \* \*

Из края в край, из града в град  
Судьба, как вихрь, людей метет,  
И рад ли ты, или не рад,  
Что нужды ей?.. Вперед, вперед!

Знакомый звук нам ветер принес:  
Любви последнее прости...  
За нами много, много слез,  
Туман, безвестность впереди!..

«О, оглянися, о, постой,  
Куда бежать, зачем бежать?..  
Любовь осталась за тобой,

Где ж в мире лучшего сыскать?

Любовь осталась за тобой,  
В слезах, с отчаяньем в груди...  
О, сжался над своей тоской,  
Свое блаженство пощади!

Блаженство стольких, стольких дней  
Себе на память приведи...  
Все милое душе твоей  
Ты покидаешь на пути!...»

Не время выкликать теней:  
И так уж этот мрачен час.  
Усопших образ тем страшней,  
Чем в жизни был милей для нас.

Из края в край, из града в град  
Могучий вихрь людей метет,  
И рад ли ты, или не рад,  
Не спросит он... Вперед, вперед!

*<Между 1834 и апрелем 1836>*

\* \* \*

О чем ты воешь, ветер ночной?

О чем так сетуешь безумно?..  
Что значит странный голос твой,  
То глухо жалобный, то шумно?  
Понятным сердцу языком  
Твердишь о непонятной муке —  
И роешь и взрываешь в нем  
Порой неистовые звуки!..

О, страшных песен сих не пой  
Про древний хаос, про родимый!  
Как жадно мир души ночной  
Внимает повести любимой!  
Из смертной рвется он груди,  
Он с беспредельным жаждет слиться!..  
О, бурь заснувших не буди —  
Под ними хаос шевелится!..

*<Начало 30-х гг.>*

\* \* \*

Поток сгустился и тускнеет,  
И прячется под твердым льдом,  
И гаснет цвет, и звук немеет  
В оцепененье ледяном, —  
Лишь жизнь бессмертную ключа  
Сковать всесильный хлад не может:

Она все льется – и, журча,  
Молчанье мертвое тревожит.

Так и в груди осиротелой,  
Убитой хладом бытия,  
Не льется юности веселой,  
Не блещет резвая струя, —  
Но подо льдистою корой  
Еще есть жизнь, еще есть ропот —  
И внятно слышится порой  
Ключа таинственного шепот.

*<Начало 30-х гг.>*

\* \* \*

В душном воздухе молчанье,  
Как предчувствие грозы,  
Жарче роз благоуханье,  
Резче голос стрекозы...  
Чу! за белой, дымной тучей  
Глухо прокатился гром;  
Небо молнией летучей  
Опоясалось кругом...

Жизни некий преизбыток  
В знойном воздухе разлит,

Как божественный напиток,  
В жилах млеет и горит!

Дева, дева, что волнует  
Дымку персей молодых?  
Что мутится, что тоскует  
Влажный блеск очей твоих?

Что, бледнея, замирает  
Пламя девственных ланит?  
Что так грудь твою спирает  
И уста твои палит?..

Сквозь ресницы шелковые  
Проступили две слезы...  
Иль то капли дождевые  
Зачинающей грозы?..

*<Начало 30-х гг.>*

\* \* \*

Что ты клонишь над водами,  
Ива, макушку свою?  
И дрожащими листьями,  
Словно жадными устами,  
Ловишь беглую струю?..

Хоть томится, хоть трепещет  
Каждый лист твой над струей...  
Но струя бежит и плещет,  
И, на солнце нежась, блещет,  
И смеется над тобой...

*<Начало 30-х гг.>*

\* \* \*

Вечер мглистый и ненастный...  
Чу, не жаворонка ль глас?..  
Ты ли, утра гость прекрасный,  
В этот поздний, мертвый час?..  
Гибкий, резвый, звучно-ясный,  
В этот мертвый, поздний час,  
Как безумья смех ужасный,  
Он всю душу мне потряс!..

*<Начало 30-х гг.>*

\* \* \*

И гроб опущен уж в могилу,  
И все столпилось вокруг...



Толкутся, дышат через силу,  
Спирает грудь тлетворный дух...

И над могилою раскрытой,  
В возглавии, где гроб стоит,  
Ученый пастор, сановитый,  
Речь погребальную гласит...

Вещает бренность человечесю,  
Грехопаденье, кровь Христа...  
И умною, пристойной речью  
Толпа различно занята...

А небо так нетленно-чисто,  
Так беспредельно над землей...  
И птицы реют голосисто  
В воздушной бездне голубой...

*<Начало 30-х гг.>*

\* \* \*

Восток белел. Ладья катилась,  
Ветрило весело звучало, —  
Как опрокинутое небо,  
Под нами море трепетало...  
Восток алел. Она молилась,

С чела откинув покрывало, —  
Дышала на устах молитва,  
Во взорах небо ликовало...

Восток вспылал. Она склонилась,  
Блестящая поникла выя, —  
И по младенческим ланитам  
Струились капли огневые...

*<Начало 30-х гг.>*

\* \* \*

Как птичка, раннею зарей  
Мир, пробудившись, встрепенулся...  
Ах, лишь одной главы моей  
Сон благодатный не коснулся!  
Хоть свежесть утренняя веет  
В моих всклокоченных власах,  
На мне, я чую, тяготеет  
Вчерашний зной, вчерашний прах!..

О, как пронзительны и дики,  
Как ненавистны для меня  
Сей шум, движение, говор, крики  
Младого, пламенного дня!..  
О, как лучи его багровы,

Как жгут они мои глаза!..  
О ночь, ночь, где твои покровы,  
Твой тихий сумрак и роса!..

Обломки старых поколений,  
Вы, пережившие свой век!  
Как ваших жалоб, ваших пеней  
Неправый праведен упрек!  
Как грустно полусонной тенью,  
С изнеможением в кости,  
Навстречу солнцу и движенью  
За новым племенем брести!..

*<Начало 30-х гг.>*

\* \* \*

Душа моя, Элизиум теней,  
Теней безмолвных, светлых и прекрасных,  
Ни помыслам години буйной сей,  
Ни радостям, ни горю не причастных, —

Душа моя, Элизиум теней,  
Что общего меж жизнью и тобою!  
Меж вами, призраки минувших, лучших дней,  
И сей бесчувственной толпою?..

*<Начало 30-х гг.>*

\* \* \*

Над виноградными холмами  
Плывут золотые облака.  
Внизу зелеными волнами  
Шумит померкшая река.  
Взор постепенно из долины,  
Подъемлясь, всходит к высотам  
И видит на краю вершины  
Круглообразный светлый храм.

Там, в горнем, неземном жилище,  
Где смертной жизни места нет,  
И легче и пустынно-чище  
Струя воздушная течет.  
Туда взлетая, звук немеет,  
Лишь жизнь природы там слышна  
И нечто праздничное веет,  
Как дней воскресных тишина.

*<Начало 30-х гг.>*

\* \* \*

Нет, моего к тебе пристрастья  
Я скрыть не в силах, мать-Земля!  
Духов бесплотных сладострастья,  
Твой верный сын, не жажду я.  
Что пред тобой утеха рая,  
Пора любви, пора весны,  
Цветущее блаженство мая,  
Румяный свет, златые сны?..

Весь день, в бездействии глубоком,  
Весенний, теплый воздух пить,  
На небе чистом и высоком  
Порою облака следить;  
Бродить без дела и без цели  
И ненароком, на лету,  
Набрести на свежий дух синели  
Или на светлую мечту...

<1835>

\* \* \*

Как сладко дремлет сад темно-зеленый,

Объятый негой ночи голубой,  
Сквозь яблони, цветами убеленной,  
Как сладко светит месяц золотой!..

Таинственно, как в первый день создания,  
В бездонном небе звездный сонм горит,  
Музыки дальной слышны восклицанья,  
Соседний ключ слышнее говорит...  
На мир дневной спустилася завеса;  
Изнемогло движение, труд уснул...  
Над спящим градом, как в вершинах леса,  
Проснулся чудный, еженочный гул...

Откуда он, сей гул непостижимый?..  
Иль смертных дум, освобожденных сном,  
Мир бестелесный, слышный, но незримый,  
Теперь роится в хаосе ночном?..

<1835>

\* \* \*

Тени сизые смешались,  
Цвет поблекнул, звук уснул —  
Жизнь, движение разрешились  
В сумрак зыбкий, в дальний гул...  
Мотылька полет незримый

Слышен в воздухе ночном...  
Час тоски невыразимой!..  
Всё во мне и я во всем!..

Сумрак тихий, сумрак сонный,  
Лейся в глубь моей души,  
Тихий, темный, благовонный,  
Все залей и утиши.  
Чувства – мглой самозабвенья  
Переполни через край!..  
Дай вкусить уничтоженья,  
С миром дремлющим смешай!

<1835>

\* \* \*

Какое дикое ущелье!  
Ко мне навстречу ключ бежит —  
Он в дол спешит на новоселье...  
Я лезу вверх, где ель стоит.

Вот взобрался я на вершину,  
Сижу здесь радостен и тих...  
Ты к людям, ключ, спешишь в долину —  
Попробуй, каково у них!

<1835>

\* \* \*

С поляны коршун поднялся,  
Высоко к небу он взвился;  
Все выше, дале вьется он,  
И вот ушел за небосклон.  
Природа-мать ему дала  
Два мощных, два живых крыла —  
А я здесь в поте и в пыли,  
Я, царь земли, прирос к земле!..

<1835>

\* \* \*

Я помню время золотое,  
Я помню сердцу милый край.  
День вечерел; мы были двое;  
Внизу, в тени, шумел Дунай.

И на холму, там, где, белея,  
Руина замка вдаль глядит,  
Стояла ты, младая фея,



На мшистый опершись гранит,

Ногой младенческой касаясь  
Обломков груды вековой;  
И солнце медлило, прощаясь  
С холмом, и замком, и тобой.

И ветер тихий мимолетом  
Твоей одеждою играл  
И с диких яблонь цвет за цветом  
На плечи юные свевал.  
Ты беззаботно вдаль глядела...  
Край неба дымно гас в лучах;  
День догорал; звучнее пела  
Река в померкших берегах.

И ты с веселостью беспечной  
Счастливый провожала день;  
И сладко жизни быстротечной  
Над нами пролетала тень.

*<Не позднее апреля 1836>*

\* \* \*

Там, где горы, убегая,  
В светлой тянутся дали,

Пресловутого Дуная  
Льются вечные струи...

Там-то, бают, в стары годы,  
По лазуревым ночам,  
Фей вилися хороводы  
Под водой и по водам;

Месяц слушал, волны пели,  
И, навесясь с гор крутых,  
Замки рыцарей глядели  
С сладким ужасом на них.  
И лучами неземными,  
Заклучен и одинок,  
Перемигивался с ними  
С древней башни огонек.

Звезды в небе им внимали,  
Проходя за строем строй,  
И беседу продолжали  
Тихомолком меж собой.

В панцирь дедовский закован,  
Воин-сторож на стене  
Слышал, тайно очарован,  
Дальний гул, как бы во сне.

Чуть дремотой забывался,  
Гул ясел и грохотал...

Он с молитвой просыпался  
И дозор свой продолжал.

Все прошло, все взяли годы —  
Поддался и ты судьбе,  
О Дунай, и пароходы  
Нынче рыщут по тебе.

*<Не позднее апреля 1836>*

\* \* \*

Сижу задумчив и один,  
На потухающий камин  
Сквозь слез гляжу...  
С тоскою мыслю о былом  
И слов в унынии моем  
Не нахожу.

Былое — было ли когда?  
Что ныне — будет ли всегда?..  
Оно пройдет —  
Пройдет оно, как все прошло,  
И канет в темное жерло  
За годом год.

За годом год, за веком век...

Что ж негодует человек,  
Сей злак земной!..  
Он быстро, быстро вянет – так,  
Но с новым летом – новый злак  
И лист иной.

И снова будет все, что есть,  
И снова розы будут цвести,  
И терны тож...  
Но ты, мой бедный, бледный цвет,  
Тебе уж возрожденья нет,  
Не расцветешь!

Ты сорван был моей рукой,  
С каким блаженством и тоской,  
То знает Бог!..  
Останься ж на груди моей,  
Пока любви не замер в ней  
Последний вздох.

*<Не позднее апреля 1836>*

\* \* \*

Зима не даром злится,  
Прошла ее пора —  
Весна в окно стучится

И гонит со двора.

И все засуетилось,  
Все нудит Зиму вон —  
И жаворонки в небе  
Уж подняли трезвон.

Зима еще хлопочет  
И на Весну ворчит.  
Та ей в глаза хохочет  
И пуще лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая  
И, снегу захватя,  
Пустила, убегая,  
В прекрасное дитя...  
Весне и горя мало:  
Умылася в снегу  
И лишь румяней стала  
Наперекор врагу.

*<Не позднее апреля 1836>*

# Фонтан

Смотри, как облаком живым  
Фонтан сияющий клубится;  
Как пламенеет, как дробится  
Его на солнце влажный дым.  
Лучом поднявшись к небу, он  
Коснулся высоты заветной —  
И снова пылью огнецветной  
Ниспасть на землю осужден.

О смертной мысли водомет,  
О водомет неистощимый!  
Какой закон непостижимый  
Тебя стремится, тебя мятет?  
Как жадно к небу рвешься ты!..  
Но длань незримо-роковая,  
Твой луч упорный преломляя,  
Свергает в брызгах с высоты.

*<Не позднее апреля 1836>*

\* \* \*

Яркий снег сиял в долине, —

Снег растаял и ушел;  
Вешний злак блестит в долине, —  
Злак увянет и уйдет.

Но который век белеет  
Там, на высях снеговых?  
А заря и ныне сеет  
Розы свежие на них!..

*<Не позднее апреля 1836>*

\* \* \*

Не то, что мните вы, природа:  
Не слепок, не бездушный лик —  
В ней есть душа, в ней есть свобода,  
В ней есть любовь, в ней есть язык...

.  
. .  
. .  
. .

Вы зрите лист и цвет на древе:  
Иль их садовник приклеил?  
Иль зреет плод в родимом чреве  
Игрою внешних, чуждых сил?..

.  
.   
.   
.   
Они не видят и не слышат,  
Живут в сем мире, как впотьмах,  
Для них и солнцы, зная, не дышат,  
И жизни нет в морских волнах.

Лучи к ним в душу не сходили,  
Весна в груди их не цвела,  
При них леса не говорили  
И ночь в звездах нема была!

И языками неземными,  
Волнуя реки и леса,  
В ночи не совещалась с ними  
В беседе дружеской гроза!

Не их вина: пойми, коль может,  
Органа жизнь глухонемой!  
Увы, души в нем не встревожит  
И голос матери самой!..

*<Не позднее апреля 1836>*



\* \* \*

Еще земли печален вид,  
А воздух уж весною дышит,  
И мертвый в поле стебель колышет,  
И елей ветви шевелит.  
Еще природа не проснулась,  
Но сквозь редящего сна  
Весну слышала она,  
И ей невольно улыбнулась...

Душа, душа, спала и ты...  
Но что же вдруг тебя волнует,  
Твой сон ласкает и целует  
И золотит твои мечты?..  
Блестят и тают глыбы снега,  
Блестит лазурь, играет кровь...  
Или весенняя то нега?..  
Или то женская любовь?..

*<Не позднее апреля 1836>*

\* \* \*

И чувства нет в твоих очах,

И правды нет в твоих речах,  
И нет души в тебе.  
Мужайся, сердце, до конца:  
И нет в творении творца!  
И смысла нет в мольбе!

*<Не позднее апреля 1836>*

\* \* \*

Люблю глаза твои, мой друг,  
С игрой их пламенно-чудесной,  
Когда их приподымешь вдруг  
И, словно молнией небесной,  
Окинешь бегло целый круг...

Но есть сильнее очарованья:  
Глаза, потупленные ниц  
В минуты страстного лобзанья,  
И сквозь опущенных ресниц  
Угрюмый, тусклый огонь желанья.

*<Не позднее апреля 1836>*

\* \* \*

Вчера, в мечтах обвороженных,  
С последним месяца лучом  
На веждах, томно озаренных,  
Ты поздним позабылась сном.  
Утихло вокруг тебя молчанье,  
И тень нахмурилась темней,  
И груди ровное дыханье  
Струилось в воздухе слышней.

Но сквозь воздушный завес окон  
Недолго лился мрак ночной,  
И твой, взвеваясь, сонный локон  
Играл с незримою мечтой.

Вот тихоструйно, тиховейно,  
Как ветерком занесено,  
Дымно-легко, мгlisto-лилейно  
Вдруг что-то порхнуло в окно.

Вот невидимкой пробежало  
По темно брезжащим коврам,  
Вот, ухватясь за одеяло,  
Взбираться стало по краям, —

Вот, словно змейка извиваясь,  
Оно на ложе вобралось,  
Вот, словно лента развеваясь,  
Меж пологам развилось...

Вдруг животрепетным сияньем  
Коснувшись персей молодых,  
Румяным, громким восклицаньем  
Раскрыло шелк ресниц твоих!

*<Начало 1836>*

## 29-ое января 1837

Из чьей руки свинец смертельный  
Поэту сердце растерзал?  
Кто сей божественный фиал  
Разрушил, как сосуд скудельный?  
Будь прав или виновен он  
Пред нашей правдою земною,  
Навек он высшею рукою  
В *«цареубийцы»* заклеямен.

Но ты, в безвременную тьму  
Вдруг поглощенная со света,  
Мир, мир тебе, о тень поэта,  
Мир светлый праху твоему!..  
Назло людскому суесловью  
Велик и свят был жребий твой!..  
Ты был богов орган живой,  
Но с кровью в жилах... знойной кровью.

И сею кровью благородной  
Ты жажду чести утолил —  
И осененный опочил  
Хоругвью горести народной.  
Вражду твою пусть Тот рассудит,  
Кто слышит пролитую кровь...  
Тебя ж, как первую любовь,

России сердце не забудет!..

*<Май – июль 1837>*

# 1-ое декабря 1837

Так здесь-то суждено нам было  
Сказать последнее прости...  
Прости всему, чем сердце жило,  
Что, жизнь твою убив, ее испепелило  
В твоей измученной груди!..

Прости... Чрез много, много лет  
Ты будешь помнить с содроганьем  
Сей край, сей брег с его полуденным сияньем,  
Где вечный блеск и долгий цвет,  
Где поздних, бледных роз дыханьем  
Декабрьский воздух разогрет.

*<Декабрь 1837>*

# Итальянская villa

И распростиась с тревогою житейской,  
И кипарисной рощей заслонясь, —  
Блаженной тенью, тенью элисейской,  
Она заснула в добрый час.

И вот, уж века два тому иль боле,  
Волшебною мечтой ограждена,  
В своей цветущей опочив юдоле,  
На волю неба предалась она.

Но небо здесь к земле так благосклонно!..  
И много лет и теплых южных зим  
Провеяло над нею полусонно,  
Не тронувши ее крылом своим.

По-прежнему в углу фонтан лепечет,  
Под потолком гуляет ветерок,  
И ласточка влетает и щебечет...  
И спит она... и сон ее глубок!..

И мы вошли... все было так спокойно!  
Так все от века мирно и темно!..  
Фонтан журчал... Недвижимо и стройно  
Соседний кипарис глядел в окно.

.



Вдруг все смутилось: судорожный трепет  
По ветвям кипарисным пробежал, —  
Фонтан замолк — и некий чудный лепет,  
Как бы сквозь сон, невнятно прошептал.

Что это, друг? Иль злая жизнь недаром,  
Та жизнь, — увы! — что в нас тогда текла,  
Та злая жизнь, с ее мятежным жаром,  
Через порог заветный перешла?

<Декабрь 1837>

\* \* \*

Давно ль, давно ль, о Юг блаженный,  
Я зрел тебя лицом к лицу —  
И ты, как Бог разоблаченный,  
Доступен был мне, пришлецу?..  
Давно ль — хотя без восхищенья,  
Но новых чувств недаром полн —  
И я заслушивался пенья  
Великих Средиземных волн!

И песнь их, как *во время оно*,  
Полна гармонии была,  
Когда из их родного лона  
Киприда светлая всплыла...

Они все те же и поныне —  
Все так же блещут и звучат;  
По их лазоревой равнине  
Святые призраки скользят.

Но я, я с вами распростился —  
Я вновь на Север увлечен...  
Вновь надо мною опустился  
Его свинцовый небосклон...  
Здесь воздух колет. Снег обильный  
На высотах и в глубине —  
И холод, чародей всесильный,  
Один здесь царствует вполне.

Но там, за этим царством вьюги,  
Там, там, на рубеже земли,  
На золотом, на светлом Юге,  
Еще я вижу вас вдали:  
Вы блещете еще прекрасней,  
Еще лазурней и свежей —  
И говор ваш еще согласней  
Доходит до души моей!

*Декабрь 1837*

\* \* \*

С какою негою, с какою тоской влюбленный  
Твой взор, твой страстный взор изнемогал на нем!  
Бессмысленно-нема... нема, как опаленный  
Небесной молнии огнем!

Вдруг от избытка чувств, от полноты сердечной,  
Вся трепет, вся в слезах, ты повергалась ниц...  
Но скоро добрый сон, младенчески-беспечный,  
Сходил на шелк твоих ресниц —

И на руки к нему глава твоя склонялась,  
И, матери нежней, тебя лелеял он...  
Стон замирал в устах... дыхание уравнилось —  
И тих и сладок был твой сон.

А днесь... О, если бы тогда тебе приснилось,  
Что будущность для нас обоих берегла...  
Как уязвленная, ты б с воплем пробудилась,  
Иль в сон иной бы перешла.

*<Конец 1837>*

\* \* \*

Смотри, как запад разгорелся  
Вечерним заревом лучей,  
Восток померкнувший оделся

Холодной, сизой чешуей!  
В вражде ль они между собою?  
Иль солнце не одно для них  
И, неподвижною средою  
Деля, не съединяет их?

*<Не позднее начала 1838>*

# Весна

Как ни гнетет рука судьбины,  
Как ни томит людей обман,  
Как ни браздят чело морщины  
И сердце как ни полно ран;  
Каким бы строгим испытаньям  
Вы ни были подчинены, —  
Что устоит перед дыханьем  
И первой встречею весны!

Весна... она о вас не знает,  
О вас, о горе и о зле;  
Бессмертьем взор ее сияет  
И ни морщины на челе.  
Своим законам лишь послушна,  
В условный час слетает к вам,  
Светла, блаженно-равнодушна,  
Как подобает божествам.

Цветами сыплет над землею,  
Свежа, как первая весна;  
Была ль другая перед нею —  
О том не ведает она:  
По небу много облак бродит,  
Но эти облака ея;  
Она ни следу не находит

Отцветших весен бытия.

Не о былом вздыхают розы  
И соловей в ночи поет;  
Благоухающие слезы  
Не о былом Аврора льет, —  
И страх кончины неизбежной  
Не светит с древа ни листа:  
Их жизнь, как океан безбрежный,  
Вся в настоящем разлита.

Игра и жертва жизни частной!  
Приди ж, отвергни чувств обман  
И ринься, бодрый, самовластный,  
В сей животворный океан!  
Приди, струей его эфирной  
Омой страдальческую грудь —  
И жизни божеско-всемирной  
Хотя на миг причастен будь!

*<Не позднее 1838>*

# День и ночь

На мир таинственный духов,  
Над этой бездной безымянной,  
Покров наброшен златотканый  
Высокой волею богов.  
День – сей блистательный покров —  
День, земнородных оживленье,  
Души болящей исцеленье,  
Друг человеков и богов!

Но меркнет день – настала ночь;  
Пришла – и с мира рокового  
Ткань благодатную покрова,  
Сорвав, отбрасывает прочь...  
И бездна нам обнажена  
С своими страхами и мглами,  
И нет преград меж ей и нами —  
Вот отчего нам ночь страшна!

*<Не позднее начала 1839>*

\* \* \*

Не верь, не верь поэту, дева;

Его своим ты не зови —  
И пуще пламенного гнева  
Страшись поэтовой любви!

Его ты сердца не усвоишь  
Своей младенческой душой;  
Огня палящего не скроешь  
Под легкой девственной фатой.

Поэт всемогущ, как стихия,  
Не властен лишь в себе самом;  
Невольно кудри молодые  
Он обожжет своим венцом.

Вотще поносит или хвалит  
Его бессмысленный народ...  
Он не змиею сердце жалит,  
Но, как пчела, его сосет.

Твоей святыни не нарушит  
Поэта чистая рука,  
Но ненароком жизнь задушит  
Иль унесет за облака.

*<Не позднее начала 1839>*





Живым сочувствием привета  
С недостижимой высоты,  
О, не смущай, молю, поэта!  
Не искушай его мечты!

Всю жизнь в толпе людей затерян,  
Порой доступен их страстям,  
Поэт, я знаю, суеверен,  
Но редко служит он властям.

Перед кумирами земными  
Проходит он, главу склонив,  
Или стоит он перед ними  
Смущен и гордо-боязлив.

Но если вдруг живое слово  
С их уст, сорвавшись, упадет  
И сквозь величия земного  
Вся прелесть женщины мелькнет,

И человеческим сознанием  
Их всемогущей красоты  
Вдруг озарятся, как сияньем,  
Изящно-дивные черты, —

О, как в нем сердце пламенеет!  
Как он восторжен, умилен!  
Пускай любить он не умеет, —  
Боготворить умеет он!

*<Октябрь> 1840*

\* \* \*

Глядел я, стоя над Невой,  
Как Исаака-великана  
Во мгле морозного тумана  
Светился купол золотой.

Всходили робко облака  
На небо зимнее, ночное,  
Белела в мертвенном покое  
Оледенелая река.

Я вспомнил, грустно-молчалив,  
Как в тех странах, где солнце греет,  
Теперь на солнце пламенеет  
Роскошный Генуи залив...

О Север, Север-чародей,  
Иль я тобою околдован?  
Иль в самом деле я прикован

К гранитной полосе твоей?

О, если б мимолетный дух,  
Во мгле вечерней тихо вея,  
Меня унес скорей, скорее  
Туда, туда, на теплый Юг...

*21 ноября 1844*

# Колумб

Тебе, Колумб, тебе венец!  
Чертеж земной ты выполнивший смело  
И довершивший наконец  
Судеб неконченное дело,  
Ты завесу расторг божественной рукой —  
И новый мир, неведомый, неожиданный,  
Из беспредельности туманной  
На божий свет ты вынес за собой.

Так связан, съединен от века  
Союзом кровного родства  
Разумный гений человека  
С творящей силой естества...  
Скажи заветное он слово —  
И миром новым естество  
Всегда откликнуться готово  
На голос родственный его.

1844

# Море и утес

И бунтует и клокочет,  
Хлещет, свищет и ревет,  
И до звезд допрыгнуть хочет,  
До незыблемых высот...  
Ад ли, адская ли сила  
Под клокочущим котлом  
Огнь геенский разложила —  
И пучину взворотила  
И поставила вверх дном?

Волн неистовых прибоем  
Беспрерывно вал морской  
С ревом, свистом, визгом, воем  
Бьет в утес береговой, —  
Но, спокойный и надменный,  
Дурью волн не обуян,  
Неподвижный, неизменный,  
Мирозданию современный,  
Ты стоишь, наш великан!

И озлобленные боем,  
Как на приступ роковой,  
Снова волны лезут с воем  
На гранит громадный твой.  
Но, о камень неизменный

Бурный натиск преломив,  
Вал отбрызнул сокрушенный,  
И струится мутной пеной  
Обессиленный порыв...

Стой же ты, утес могучий!  
Обожди лишь час, другой —  
Надоест волне гремучей  
Воевать с твоей пятой...  
Утомясь потехой злою,  
Присмирееет вновь она —  
И без вою, и без бою  
Под гигантскою пятою  
Вновь уляжется волна...

1848

\* \* \*

Еще томлюсь тоской желаний,  
Еще стремлюсь к тебе душой —  
И в сумраке воспоминаний  
Еще ловлю я образ твой...  
Твой милый образ, незабвенный,  
Он предо мной везде, всегда,  
Недостижимый, неизменный,  
Как ночью на небе звезда...



Неохотно и несмело  
Солнце смотрит на поля.  
Чу, за тучей прогремело,  
Принахмурилась земля.

Ветра теплого порывы,  
Дальний гром и дождь порой...  
Зеленеющие нивы  
Зеленее под грозой.

Вот пробилась из-за тучи  
Синей молнии струя —  
Пламень белый и летучий  
Окаймил ее края.

Чаще капли дождевые,  
Вихрем пыль летит с полей,  
И раскаты громовые  
Все сердитей и смелей.

Солнце раз еще взглянуло  
Исподлобья на поля,

И в сиянье потонула  
Вся смятенная земля.

*6 июня 1849*

\* \* \*

Итак, опять увиделся я с вами,  
Места немилые, хоть и родные,  
Где мыслил я и чувствовал впервые  
И где теперь туманными очами,  
При свете вечеряющего дня,  
Мой детский возраст смотрит на меня.

О бедный призрак, немощный и смутный,  
Забывтого, загадочного счастья!  
О, как теперь без веры и участия  
Смотрю я на тебя, мой гость минутный,  
Куда как чужд ты стал в моих глазах,  
Как брат меньшей, умерший в пеленах...

Ах нет, не здесь, не этот край безлюдный  
Был для души моей родимым краем —  
Не здесь расцвел, не здесь был величаем  
Великий праздник молодости чудной.  
Ах, и не в эту землю я сложил  
Все, чем я жил и чем я дорожил!



*13 июня 1849*

\* \* \*

Тихой ночью, поздним летом,  
Как на небе звезды рдеют,  
Как под сумрачным их светом  
Нивы дремлющие зреют...  
Усыпительно-безмолвны,  
Как блестят в тиши ночной  
Золотистые их волны,  
Убеленные луной...

*23 июля 1849*

\* \* \*

Когда в кругу убийственных забот  
Нам все мерзит – и жизнь, как камней гряда,  
Лежит на нас, – вдруг, знает бог откуда,  
Нам на душу отрадное дохнет,  
Минувшим нас обвеет и обнимет  
И страшный груз минутно приподнимет.

Так иногда, осеннею порой,

Когда поля уж пусты, рощи голы,  
Бледнее небо, пасмурнее доли,  
Вдруг ветер подует, теплый и сырой,  
Опавший лист погонит пред собою  
И душу нам обдаст как бы весною...

*22 октября 1849*

\* \* \*

По равнине вод лазурной  
Шли мы верною стезей, —  
Огнедышащий и бурный  
Уносил нас змей морской.  
С неба звезды нам светили,  
Снизу искрилась волна,  
И метелью влажной пыли  
Обдавала нас она.

Мы на палубе сидели,  
Многих сон одолевал...  
Все звучней колеса пели,  
Разгребая шумный вал...

Приутих наш круг веселый,  
Женский говор, женский шум...  
Подпирает локоть белый

Много милых, сонных дум.

Сны играют на просторе  
Под магической луной —  
И баюкает их море  
Тихоструйною волной.

*29 ноября 1849*

\* \* \*

Вновь твои я вижу очи —  
И один твой южный взгляд  
Киммерийской грустной ночи  
Вдруг рассеял сонный хлад...  
Воскресает предо мною  
Край иной – родимый край —  
Словно прадедов виною  
Для сынов погибший рай...

Лавров стройных колыханье  
Зыблет воздух голубой,  
Моря тихое дыханье  
Провеваает летний зной,  
Целый день на солнце зреет  
Золотистый виноград,  
Баснословной былью веет

Из-под мраморных аркад...

Сновиденьем безобразным  
Скрылся север роковой,  
Сводом легким и прекрасным  
Светит небо надо мной.  
Снова жадными очами  
Свет живительный я пью  
И под чистыми лучами  
Край волшебный узнаю.

<1849>

\* \* \*

Слезы людские, о слезы людские,  
Льетесь вы ранней и поздней порой...  
Льетесь безвестные, льетесь незримые,  
Неистошимые, неисчислимые, —  
Льетесь, как льются струи дождевые  
В осень глухую, порою ночной.

<Осень 1849>

\* \* \*

Как он любил родные ели  
Своей Савойи дорогой!  
Как мелодически шумели  
Их ветви над его главой!..  
Их мрак торжественно-угрюмый  
И дикий, заунывный шум  
Какою сладостною думой  
Его обворожали ум!..

<1849>

\* \* \*

Как дымный столп светлеет в вышине! —  
Как тень внизу скользит, неуловима!..  
«Вот наша жизнь, — промолвила ты мне, —  
Не светлый дым, блестящий при луне,  
А эта тень, бегущая от дыма...»

<1848 или 1849>

# Русской женщине

Вдали от солнца и природы,  
Вдали от света и искусства,  
Вдали от жизни и любви  
Мелькнут твои молодые годы,  
Живые помертвеют чувства,  
Мечты развеются твои...

И жизнь твоя пройдет незрима,  
В краю безлюдном, безымянном,  
На незамеченной земле, —  
Как исчезает облак дыма  
На небе тусклом и туманном,  
В осенней беспредельной мгле...

*<1848 или 1849>*

# Наполеон

## I

Сын Революции, ты с матерью ужасной  
Отважно в бой вступил – и изнемог в борьбе...  
Не одолел ее твой гений самовластный!..  
Бой невозможный, труд напрасный!..  
Ты всю ее носил в самом себе...

## II

Два демона ему служили,  
Две силы чудно в нем слились:  
В его главе – орлы парили,  
В его груди – змии вились...  
Ширококрылых вдохновений  
Орлиный, дерзостный полет,  
И в самом буйстве дерзновений  
Змииной мудрости расчет.  
Но освящающая сила,  
Непостижимая уму,

Души его не озарила  
И не приблизилась к нему...  
Он был земной, не Божий пламень,  
Он гордо плыл – презритель волн, —  
Но о подводный веры камень  
В щепы разбился утлый челн.

### III

И ты стоял, – перед тобой Россия!  
И, вещий волхв, в предчувствии борьбы,  
Ты сам слова промолвил роковые:  
«Да сбудутся ее судьбы!..»  
И не напрасно было заклинанье:  
Судьбы откликнулись на голос твой!..  
Но новою загадкою в изгнанье  
Ты возразил на отзыв роковой...  
Года прошли – и вот, из ссылки тесной  
На родину вернувшийся мертвец,  
На берегах реки, тебе любезной,  
Тревожный дух, почил ты наконец...  
Но чуток сон – и по ночам, тоскуя,  
Порою встав, он смотрит на Восток,  
И вдруг, смутясь, бежит, как бы почуя  
Передрабассветный ветерок.



*<Не позднее начала 1850>*

\* \* \*

Святая ночь на небосклон взошла,  
И день отрадный, день любезный  
Как золотой покров она свила,  
Покров, накинутый над бездной.  
И, как виденье, внешний мир ушел...  
И человек, как сирота бездомный,  
Стоит теперь, и немощен и гол,  
Лицом к лицу пред пропастию темной.

На самого себя покинут он —  
Упразднен ум, и мысль осиротела —  
В душе своей, как в бездне, погружен,  
И нет извне опоры, ни предела...  
И чудится давно минувшим сном  
Ему теперь все светлое, живое...  
И в чуждом, неразгаданном, ночном  
Он узнает наследье родовое.

*<Между 1848 и мартом 1850>*

# Поэзия

Среди громов, среди огней,  
Среди клокочущих страстей,  
В стихийном, пламенном раздоре,  
Она с небес слетает к нам —  
Небесная к земным сынам,  
С лазурной ясностью во взоре —  
И на бунтующее море  
Льет примирительный елей.

*<Не позднее начала 1850>*

# Рим ночью

В ночи лазурной почивает Рим.  
Взошла луна и овладела им,  
И спящий град, безлюдно-величавый,  
Наполнила своей безмолвной славой...  
Как сладко дремлет Рим в ее лучах!  
Как с ней сроднился Рима вечный прах!..  
Как будто лунный мир и град почивший —  
Все тот же мир, волшебный, но отживший!..

*<Не позднее начала 1850>*

# Венеция

Дож Венеции свободной  
Средь лазоревых зыбей,  
Как жених порфирородный,  
Достославно, всенародно  
Обручался ежегодно  
С Адриатикой своей.

И недаром в эти воды  
Он кольцо свое бросал:  
Веки целые, не годы  
(Дивовалися народы)  
Чудный перстень воеводы  
Их вязал и чаровал...

И чета в любви и мире  
Много славы нажила —  
Века три или четыре,  
Все могучее и шире,  
Разрасталась в целом мире  
Тень от *львиного крыла*.  
А теперь?  
В волнах забвенья  
Сколько брошенных колец!..  
Миновались поколенья, —  
Эти кольца обрученья,

Эти кольца стали звенья  
Тяжкой цепи наконец!..

*<Не позднее начала 1850>*

\* \* \*

Кончен пир, умолкли хоры,  
Опорожнены амфоры,  
Опрокинуты корзины,  
Не допиты в кубках вины,  
На главах венки измяты, —  
Лишь курятся ароматы  
В опустевшей светлой зале...  
Кончив пир, мы поздно встали —  
Звезды на небе сияли,  
Ночь достигла половины...

Как над беспокойным градом,  
Над дворцами, над домами,  
Шумным уличным движеньем  
С тускло-рдяным освещеньем  
И бессонными толпами, —  
Как над этим дольным чадом,  
В горнем выпрленном пределе,  
Звезды чистые горели,  
Отвечая смертным взглядам

Непорочными лучами...

*<Не позднее начала 1850>*

\* \* \*

Пошли, Господь, свою отраду  
Тому, кто в летний жар и зной  
Как бедный нищий мимо саду  
Бредет по жаркой мостовой;

Кто смотрит вскользь через ограду  
На тень деревьев, злак долин,  
На недоступную прохладу  
Роскошных, светлых луговин.

Не для него гостеприимной  
Деревья сенью разрослись,  
Не для него, как облак дымный,  
Фонтан на воздухе повис.

Лазурный грот, как из тумана,  
Напрасно взор его манит,  
И пыль росистая фонтана  
Главы его не освежит.  
Пошли, Господь, свою отраду  
Тому, кто жизненной тропой

Как бедный нищий мимо саду  
Бредет по знойной мостовой.

*Июль 1850*

# На Неве

И опять звезда ныряет  
В легкой зыби невских волн,  
И опять любовь вверяет  
Ей таинственный свой челн.

И меж зыбью и звездою  
Он скользит как бы во сне,  
И два призрака с собою  
Вдаль уносит по волне.

Дети ль это праздной лени  
Тратят здесь досуг ночной?  
Иль блаженные две тени  
Покидают мир земной?

Ты, разлитая как море,  
Пышноструйная волна,  
Приюти в своем просторе  
Тайну скромного челна!

*Июль 1850*





Как ни дышит полдень знойный  
В растворенное окно,  
В этой храмине спокойной,  
Где все тихо и темно,

Где живые благовонья  
Бродят в сумрачной тени,  
В сладкий сумрак полусонья  
Погрузись и отдохни.

Здесь фонтан неутомимый  
День и ночь поет в углу  
И кропит росой незримой  
Очарованную мглу.

И в мерцанье полусвета,  
Тайной страстью занята,  
Здесь влюбленного поэта  
Веет легкая мечта.

*<Июль 1850>*

\* \* \*

Не рассуждай, не хлопочи!..  
Безумство ищет, глупость судит;  
Дневные раны сном лечи,  
А завтра быть чему, то будет.  
Живя, умей все пережить:  
Печаль, и радость, и тревогу.  
Чего желать? О чем тужить?  
День пережит – и слава Богу!

*<Июль 1850>*

\* \* \*

Под дыханьем непогоды,  
Вздувшись, потемнели воды  
И подернулись свинцом —  
И сквозь глянец их суровый  
Вечер пасмурно-багровый  
Светит радужным лучом.

Сыплет искры золотые,  
Сеет розы огневые  
И уносит их поток.

Над волной темно-лазурной  
Вечер пламенный и бурный  
Обрывает свой венок...

*12 августа 1850*

\* \* \*

Обвеян вещею дремотой,  
Полураздетый лес грустит...  
Из летних листьев разве сотый,  
Блестя осенней позолотой,  
Еще на ветви шелестит.

Гляжу с участием умиленным,  
Когда, пробившись из-за туч,  
Вдруг по деревьям испещренным,  
С их ветхим листьем изнуренным,  
Молниевидный брызнет луч.

Как увядающее мило!  
Какая прелесть в нем для нас,  
Когда, что так цвело и жило,  
Теперь, так немощно и хило,  
В последний улыбнется раз!..

*15 сентября 1850*

# Два голоса

## 1

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,  
Хоть бой и неравен, борьба безнадежна!  
Над вами светила молчат в вышине,  
Под вами могилы – молчат и оне.

Пусть в горнем Олимпе блаженствуют боги:  
Бессмертье их чуждо труда и тревоги;  
Тревога и труд лишь для смертных сердец...  
Для них нет победы, для них есть конец.

## 2

Мужайтесь, боритесь, о храбрые други,  
Как бой ни жесток, ни упорна борьба!  
Над вами безмолвные звездные круги,  
Под вами немые, глухие гроба.

Пускай олимпийцы завистливым оком

Глядят на борьбу непреклонных сердец.  
Кто, ратуя, пал, побежденный лишь Роком,  
Тот вырвал из рук их победный венец.

<1850>

\* \* \*

Смотри, как на речном просторе,  
По склону вновь оживших вод,  
Во всеобъемлющее море  
За льдиной льдина вслед плывет.

На солнце ль радужно блистая,  
Иль ночью в поздней темноте,  
Но все, неизбежимо тая,  
Они плывут к одной мете.

Все вместе – малые, большие,  
Утратив прежний образ свой,  
Все – безразличны, как стихия, —  
Сольются с бездной роковой!..  
О, нашей мысли обольщенье,  
Ты, человеческое Я,  
Не таково ль твое значенье,  
Не такова ль судьба твоя?

*<Не позднее весны 1851>*

\* \* \*

О, как убийственно мы любим,  
Как в буйной слепоте страстей  
Мы то всего вернее губим,  
Что сердцу нашему милей!

Давно ль, гордясь своей победой,  
Ты говорил: она моя...  
Год не прошел – спроси и сведай,  
Что уцелело от нея?

Куда ланит девались розы,  
Улыбка уст и блеск очей?  
Все опалили, выжгли слезы  
Горячей влагою своей.

Ты помнишь ли, при вашей встрече,  
При первой встрече роковой,  
Ее волшебный взор, и речи,  
И смех младенчески-живой?  
И что ж теперь? И где все это?  
И долговечен ли был сон?  
Увы, как северное лето,

Был мимолетным гостем он!

Судьбы ужасным приговором  
Твоя любовь для ней была,  
И незаслуженным позором  
На жизнь ее она легла!

Жизнь отречения, жизнь страдания!  
В ее душевной глубине  
Ей оставались вспоминанья...  
Но изменили и оне.

И на земле ей дико стало,  
Очарование ушло...  
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала  
То, что в душе ее цело.

И что ж от долгого мученья,  
Как пепл, сберечь ей удалось?  
Боль злую, боль ожесточенья,  
Боль без отрады и без слез!

О, как убийственно мы любим!  
Как в буйной слепоте страстей  
Мы то всего вернее губим,  
Что сердцу нашему милей!..

*<Первая половина 1851>*

\* \* \*

Не знаю я, коснется ль благодать  
Моей души болезненно-греховной,  
Удастся ль ей воскреснуть и восстать,  
Пройдет ли обморок духовный?

Но если бы душа могла  
Здесь, на земле, найти успокоенье,  
Мне благодатью ты б была —  
Ты, ты, мое земное провиденье!..

*<Апрель 1851>*



# Первый лист

Лист зеленеет молодой.  
Смотри, как листьям молодым  
Стоят обвеяны березы,  
Воздушной зеленью сквозной,  
Полупрозрачную, как дым...

Давно им грезилось весной,  
Весной и летом золотым, —  
И вот живые эти грезы,  
Под первым небом голубым,  
Пробились вдруг на свет дневной...

О, первых листьев красота,  
Омытых в солнечных лучах,  
С новорожденною их тенью!  
И слышно нам по их движенью,  
Что в этих тысячах и тьмах  
Не встретишь мертвого листа.

*Май 1851*

\* \* \*

Не раз ты слышала признание:  
«Не стою я любви твоей».  
Пускай мое она создание —  
Но как я беден перед ней...

Перед любовью твоею  
Мне больно вспомнить о себе —  
Стою, молчу, благоговею  
И поклоняюсь тебе...

Когда, порой, так умиленно,  
С такою верой и мольбой  
Невольно клонишь ты колени  
Пред колыбелью дорогой,

Где спит *она*— твоё рождение —  
Твой безымянный херувим, —  
Пойми ж и ты моё смирение  
Пред сердцем любящим твоим.

<1851>

# Наш век

Не плоть, а дух растлился в наши дни,  
И человек отчаянно тоскует...  
Он к свету рвется из ночной тени  
И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Безверием палим и иссушен,  
Невыносимое он днесь выносит...  
И сознает свою погибель он,  
И жаждет веры – но о ней *не просит* ...

Не скажет ввек, с молитвой и слезой,  
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:  
«Впусти меня! – Я верю, Боже мой!  
Приди на помощь моему неверью!...»

*10 июня 1851*

# Волна и дума

Дума за думой, волна за волной —  
Два проявления стихии одной:  
В сердце ли тесном, в безбрежном ли море,  
Здесь – в заключении, там – на просторе, —  
Тот же все вечный прибой и отбой,  
Тот же все призрак тревожно-пустой.

*14 июля 1851*

\* \* \*

Не остывшая от зною,  
Ночь июльская блистала...  
И над тусклою землею  
Небо, полное грозою,  
Все в зарницах трепетало...

Словно тяжкие ресницы  
Подымались над землею,  
И сквозь беглые зарницы  
Чьи-то грозные зеницы  
Загорались порою...

*14 июля 1851*

\* \* \*

В разлуке есть высокое значенье:  
Как ни люби, хоть день один, хоть век,  
Любовь есть сон, а сон – одно мгновенье,  
И рано ль, поздно ль пробужденье,  
А должен наконец проснуться человек...

*6 августа 1851*

\* \* \*

Как весел грохот летних бурь,  
Когда, взметая прах летучий,  
Гроза, нахлынувшая тучей,  
Смутит небесную лазурь  
И опрометчиво-безумно  
Вдруг на дубраву набежит,  
И вся дубрава задрожит  
Широколиственно и шумно!..

Как под незримую пятой,  
Лесные гнутся исполины;

Тревожно ропщут их вершины,  
Как совещаюсь меж собой, —  
И сквозь внезапную тревогу  
Немолчно слышен птичий свист,  
И кой-где первый желтый лист,  
Крутясь, слетает на дорогу...

1851

\* \* \*

День вечереет, ночь близка,  
Длинней с горы ложится тень,  
На небе гаснут облака...  
Уж поздно. Вечереет день.

Но мне не страшен мрак ночной,  
Не жаль скудеющего дня, —  
Лишь ты, волшебный призрак мой,  
Лишь ты не покидай меня!..  
Крылом своим меня одень,  
Волненья сердца утиши,  
И благодатна будет тень  
Для очарованной души.

Кто ты? Откуда? Как решить,  
Небесный ты или земной?

Воздушный житель, может быть, —  
Но с страстной женскою душой.

*1 ноября 1851*

# Предопределение

Любовь, любовь — гласит преданье —  
Союз души с душой родной —  
Их съединенье, сочетание,  
И роковое их слиянье,  
И... поединок роковой...

И чем одно из них нежнее  
В борьбе неравной двух сердец,  
Тем неизбежней и вернее,  
Любя, страдая, грустно млея,  
Оно изнает наконец...

*<1851 или начало 1852>*

\* \* \*

Не говори: меня он, как и прежде, любит,  
Мной, как и прежде, дорожит...  
О нет! Он жизнь мою бесчеловечно губит,  
Хоть, вижу, нож в руке его дрожит.

То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя,  
Увлечена, в душе уязвлена,



Я страдаю, не живу... им, им одним живу я —  
Но эта жизнь!.. О, как горька она!

Он мерит воздух мне так бережно и скудно...  
Не мерят так и лютому врагу...  
Ох, я дышу еще болезненно и трудно,  
Могу дышать, но жить уж не могу.

*<1851 или начало 1852>*

\* \* \*

О, не тревожь меня укорой справедливой!  
Поверь, из нас из двух завидней часть твоя:  
Ты любишь искренно и пламенно, а я —

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.